

ПРАВΟΣЛАВНЫЕ ПОЭТЫ

ДУХОВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСТВО ЕСЕНИНА И МАЯКОВСКОГО

На вопросы "ЗАВТРА" отвечают протоиерей Андрей ДУДАРЕВ и доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. А.М. Горького Сергей АРУТЮНОВ.

"ЗАВТРА". Отец Андрей, удивительно, что вы, священник, занимаетесь исследованием творчества двух поэтов революционного периода — Сергея Есенина и Владимира Маяковского. Почему вы заинтересовались ими?

о. Андрей ДУДАРЕВ. В 2007 году в связи с очередной памятной датой Сергея Александровича Есенина его стихи звучали несколько чаще, и, слушая их, я впечатлился энергией его слов, которая стала меня поддерживать, вести, питать наряду с тем, что я получаю в храме Господнем. Стало понятно, что эта энергия не может проистекать из скверных источников. Я решил без помощи литературоведов и многочисленных авторов воспоминаний о поэте изучить его. Открыл томик 1983 года издания и от корки до корки прочёл.

"ЗАВТРА". Почему именно это издание?

о. Андрей ДУДАРЕВ. Оно ценно тем, что фактически повторяет полное собрание сочинений, которое подготовил сам Есенин, расставивший свои произведения так, как считал нужным. Собрание вышло уже после гибели поэта, в 1926 году.

Читая Есенина, я стал для себя открывать многое из тех мотиваций, целей и задач, которые ставил перед собой поэт. В своей последней автобиографии, как обычно краткой, датированной октябрём 1925 года, Есенин написал: "Остальные сведения моей жизни вы найдёте в моих стихах".

Тот пресловутый лирический герой, который якобы является в творчестве Есенина постоянным действующим лицом, с моей точки зрения, у него отсутствует. Вместо него всегда выступает сам поэт. И мы можем проследить по произведениям Сергея Александровича, как развивалась его душа, отношение к жизни, к Богу, к себе самому, окружающим людям.

В 2008 году я принял решение отслужить панихиду на могиле Есенина...

"ЗАВТРА". Но формально он до сих пор считается самоубийцей. К тому же в его творчестве кто-то находит и антицерковную риторику. Вас это не смущает?

о. Андрей ДУДАРЕВ. По поводу его самоубийства моё внутреннее убеждение человека, который прочитал Есенина и, можно сказать, познакомился с ним лично, было таковым, что я решил провести службу.

В 2008 году я совершил несколько панихид. А 6 сентября 2009-го на одну из таких служб приехала Светлана Петровна Есенина, племянница поэта, дочь его младшей сестры Александры Александровны. После мы отправились к ним домой на Комсомольский проспект и практически сразу приняли решение обратиться к Святейшему Патриарху с просьбой о благословении этих мероприятий. И получили его, но с условием, чтобы на панихидах всегда присутствовал кто-то из членов семьи Сергея Александровича. С тех пор и по настоящее время каждое первое воскресенье месяца в 13 часов на Ваганьковском кладбище я совершаю панихиду на могиле Есенина.

За это время по просьбе Светланы Петровны Есениной я написал книгу, посвящённую, наверное, самой сложной с точки зрения православного христианина поэме "Инония", где мы слышим такие корябые шие православное сердце слова: "Тело, Христово тело, выплёвываю из рта". Мне хотелось разобраться, что именно лежало в основе такого заявления поэта. И для себя я это прояснил. Причём после внимательного прочтения поэмы никакого богохульства в этих строках не нашёл.

Потом Светлана Петровна дала мне возможность работать с рукописями поэта, во многом не опубликованными до сих пор, — целые страницы из поэмы "Чёрный человек", варианты из его циклов "Москва кабацкая", "Любовь хулигана" и прочее.

"ЗАВТРА". К Маяковскому вы пришли позже?

о. Андрей ДУДАРЕВ. Находясь под воздействием поэзии Есенина, я решил в своём родном городе Пушкино устроить центр, где бы собирались не только поклонники Сергея Александровича, но и люди-единомышленники, которых в целом объединяет неформальное отношение к русскому слову. Таким местом стала бывшая дача Владимира Владимировича Маяковского. Тогда я думал, что это трибун и богоречье вряд ли станет моим героем и главным действующим лицом создаваемого центра. Но практически сразу после начала восстановления дачи на Акуловой Горе мне стало стыдно, что Маяковского я не знаю так, как знаю Есенина, — на основании его стихов.

Пошёл по пути наименьшего сопротивления, начал читать самый маленький из сборников Маяковского — двухтомник, шестимиллионник, который был фактически в каждом советском доме. Уже в середине первого тома понял, что в его творчестве я перестал видеть богохульство, и всё больше в "горлане-главаре" открывалось человеческого. Именно понятие "человек" является для меня самым главным в отношении к Есенину и Маяковскому. Революция, которая стала частью жизни и творчества этих поэтов, с моей точки зрения, смогла приблизиться к ним только благодаря тому, что во главе этого процесса изначально стоял человек.

Причём это относится не только к 1917 году, но и к середине XIX века, когда в России стали развиваться социалистические настроения. Сначала крестьянская революция, потом марксизм, революция пролетариата. Но во всём главным действующим лицом был человек, которого необходимо развивать. А не это ли является основным предметом Церкви Христовой — человек? Мы знаем, что Господь наш Иисус Христос стал человеком для того, чтобы человек стал Богом. Вот здесь мы и находим причину, по которой в творчестве Сергея Есенина и Владимира Маяковского евангельские образы просто не сходят с уст, с пера, с листа. Христианство, которое на протяжении двух

тысяч лет занимается этим вопросом, поэты не могли оставить в стороне.

Недаром Маяковский свою революционную поэму 1917 года назвал "Человек", в которой он себя и в своём лице всех людей сравнивает с Иисусом Христом, говорит о том, что это наша планка, мы все способны стать сынами Божиими — Христами. И это логично. А у Есенина — это поэма "Инония".

"ЗАВТРА". Так было или нет в творчестве этих поэтов то, что называют богохульством?

о. Андрей ДУДАРЕВ. В поэме "Инония" Сергей Александрович находит для себя необычный образ — седовласого старца, который, конечно, не может быть объективным отражением сущности Единого Бога в Троице. Есенин же избирает именно его, говоря "ухвачу его за гриву белую". Причём поэт, будучи заядлым коноводом, любя лошадей не меньше, чем людей, не мог использовать эпитет "грива" в каком-то негативном контексте. "Ухвачу его за гриву белую / И скажу ему голосом выюг: / Я иным тебя, Господи, сделаю, / Чтобы зрел мой словесный плуг!" — говорит автор, как бы обращаясь к Господу Богу.

И я вспомню аналогичное произведение Маяковского — "Облако в штанах", где он обещает Бога разрезать ножом: "Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою отсюда до Аляски..." Причём здесь также используется образ седовласого старца. Написано: "Раскрою". А кроит кто, бандит? Нет, портной. Для чего? Чтобы уничтожить кроимое? Нет, чтобы из этого что-то сшить. У Маяковского заложен тот же самый смысл, что и в есенинских строчках "Я иным тебя, Господи, сделаю". Поэты обращаются не к Богу, а к неправильному представлению о нём их современников. Это объект борьбы и для Есенина, и для Маяковского.

В поэме "Инония" Сергей Александрович "выплёвывает" тело Христа в следующем контексте.

*Не уступаешь гibelи,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так азоворот по Библии
Пророк Есенин Сергей.*

Не просто пророк, а "по Библии пророк"! Это очень важно: он себя не называет пророком, относит себя к Библии, которую пытается преподнести как подлинный, неискажённый первоисточник и представление о человеке.

Современники Есенина и Маяковского причислялись в большинстве своём для того же, для чего причисляются люди и сегодня, — для здоровья и благополучия. И используют в качестве средства к этим благам страдания Иисуса Христа, тем самым исключая из этого процесса личную Голгофу, ту необходимость взойти с Христом на крест, умереть там, а потом уже участвовать в Его воскресении и в Его славе. Мы же считаем, что страданий Христа вполне достаточно и для нашей счастия. А Есенин говорит: нет, "не хочу воспринять спасения через муки Его и крест". "Время моё пришло. / Не страшен мне лязг кнута. / Тело, Христово Тело, / выплёвываю из рта".

"ЗАВТРА". То есть он говорит, что сам готов к этим страданиям?

о. Андрей ДУДАРЕВ. Совершенно верно. И поэтому, когда после выхода есенинской поэмы в свет в самом начале 1918 года Блок спросил: "Зачем же, Сережа, богохульствовать?" — Сергей Александрович ответил: "Что-что, а богохульствовать я не хотел". Никакого богохульства в этом не было, был глубочайший смысл. Я уже не говорю о том, что поэма посвящена пророку Иеремии, который жил задолго до пришествия в мир Христа, накануне Вавилонского плена израильского народа, и призывал этот народ к покаянию, но не был услышан и после пленения Израиля стал утешать свой народ.

"ЗАВТРА". Сергей Сергеевич, как вы видите присутствие Есенина и Маяковского в сегодняшней России?

Сергей АРУТЮНОВ. Их манеру я порой встречаю в рукописях студентов Литературного института. Для меня это одновременно и счастье, и в какой-то мере горе, ведь этим поэтам было дано столь краткое земное бытие. Зато в небесной жизни они витают, залетают в большую, открытый дом русского слова, когда им хочется, а не когда открываешь, скажем, поэтический сезон. Они склонны пикировать на те души, которым "хочется последней прямоты".

Есенин и Маяковский каждым своим словом ломали каменный канон, который властвовал в XIX веке, когда примерно на 97% литература была дворянской. Дворянский канон рифмовал отглаженные сущестительные: мновенье — отображенье — стремленье... Найти подобное у Есенина и Маяковского не очень-то получится. Настоящих учеников у Есенина и Маяковского, так как они были ярчайшими на поэтическом небосводе, не оказалось. В РАПБЕ было полно разных балабалаечников и окоморохов, были и пролетарские поэты, которые каторгу прошли. Конструктивисты, футуристы язгалили челюстями, изображали какие-то несусветные явления: машинерию, явление кибернетического человека — то, что мы сейчас трансгуманизмом зовём.

"ЗАВТРА". В 1920-е годы?

Сергей АРУТЮНОВ. Это началось ещё в 1900-е годы. Грезили, что придёт машина, заменит человека и так далее. Предвидели многое. Но только Маяковский, его творчество — не об этом! Не было у него товарищей среди футуристов, да и просто настоящих друзей. Он вошёл в сповесность один. И ушёл один. Маяковский — вовсе не о конструктивизме или позитивизме, семантике или механике. Он весь, может быть, от Уолта Уитмена, который о человеке заговорил так, как в Америке до сих пор не могут о нём сказать. Не родилось другого Уитмена, который заявил: "Я — всё, я — вселенная. Потому что Бог со мной!" Его же тоже пытались затереть — неудобно с ним, неудобно. Как это так, быть таким вселенским духом?! Да ещё на фоне машинерии.

Недавно меня попросили провести вечер к 130-летию Владимира Маяковского.

Был полный зал слушателей. Выступил поэт Константин Кедров. Наследник футуристов, он отметил, что самое христианское стихотворение написал именно Владимир Владимирович. Это про жилистую руку, про то, как вбегает, плачет и так далее. "Послушайте!" — и попробуйте найти более христианское сочинение. Потом Кедров сам читает стихи поэта, потом — я, а дальше — все присутствующие. Подряд два часа, без программы — выходят и читают наизусть.

Я спрашиваю: а вы знаете, почему стихи лесенкой у Маяковского? Чей это символ? Пока мялись, сам отвечаю: "Лестницу Иакова вспомните, графическое изображение восхождения..." Только у Маяковского она как бы обратная лесенка, скатывается. А вы, как китайцы, начните от конца. И будете восходить на этих потоках, и спираль вознесёт вас. Куда? В мир читателей газет, глотателей пустот? Ну-ну! Поэт ведь не дурак, он ничего не будет строить на газетной семантике. Потому что на ней ничего не построишь — это песчаный замок, его волной смоет, и останется ровное место. Но поэт — не об этом же...

"ЗАВТРА". Недавно мы награждали лауреатов премии имени Дарьи Дугиной, в 12 номинациях. Так больше всего участников по номинации "Молодые поэты". Я увидел, что молодёжь живёт стихами. Любовь к русскому слову в новом поколении нигде не делась. Правда, не хватает серьёзного наставничества, среды, где формировались бы эти поэты. Поэтому важно рассказывать о таких площадках, как ваша, отец Андрей. Как развивается проект "Дача Маяковского"? Какие у него перспективы?

о. Андрей ДУДАРЕВ. Буквально вставшая из пепла дача поэта в подмосковном Пушкино побуждает сегодня говорить не только о Маяковском. Город Пушкино — стародавное место, но только здесь не бывал... Увы, о многих из них мы практически забыли. "Дача Маяковского" буквально воскрешает этих людей — память о них.

Впервые в Пушкино Маяковского привёз график Василий Николаевич Черкын в 1919 году. Это совершенно недооценённый человек, хотя государственные музеи хранят сотни и тысячи его работ. После того как в лесу, на заброшенном кладбище в Пушкино я нашёл могилу Черкына, на которой уже и памятник-ка-то никакого не было, такие организации, как Третьяковская галерея, Музей изобразительных искусств им. Пушкина, Академия художеств, провели посвящённые творчеству Черкына выставки, на которых он был назван лучшим графиком XX века. Василий Николаевич был другом юности Маяковского, оформлял его первый поэтический сборник под названием "Я!". По образованию он был иконописцем, человеком невероятной духовности, даже аскезы. Последние годы жизни он посвятил теме воскресения, сделал тысячи набросков по мотивам всеобщего воскресения человечества. И дружка этих, казалось бы, абсолютно разных людей говорит о том, что ни Черкын ни Маяковский — столяр поруган в нём, духовность и религиозность были ему абсолютно не чужды.

По воспоминаниям Льва Фёдоровича Жегина, сына третьего участника оформления сборника Маяковского известного архитектора Шехтеля, Черкын рисовал, сопровождая стихи Маяковского, и эти изображения, казалось, не имели ничего общего с поэзией Владимира Владимировича, чаще напоминали новгородские фрески. Маяковский бурчал и говорил: "Вася, вот здесь муху нарисуй!". Вася: "Нет вопросов", — рисует муху. Маяковский, разведя руками: "Вася, да это же ангел". Вот такое было сотрудничество...

"ЗАВТРА". Отец Андрей, видите ли вы сегодня по-настоящему глубоких поэтов, наследников классической литературы?

о. Андрей ДУДАРЕВ. Конечно, видел и вижу сейчас. Я бы посоветовал несколько расширить границы понятия "поэзия" и "художник". Многим кажется, что художник — тот, кто берёт в руки карандаш или кисть и что-то изображает. Так же и поэт, вооружившись ручкой и блокнотом или ноутбком, начинает сочинять стихи. Между тем поэзия и художественное творчество — это образ жизни. Думаю, именно такую позицию отстаивали и Маяковский, и Есенин. Это повседневное отношение человека к тому, что он видит. Способность сказать правду в глаза, в том числе сильному миру его.

"ЗАВТРА". Да, Есенин и Маяковский такое не раз делали...

о. Андрей ДУДАРЕВ. Чувковский интересно рассказывал о своём знакомстве с Маяковским. Во времена, когда Корней Иванович ещё не собирался становиться детским поэтом, а был литературным критиком, он прочитал первый поэтический сборник Владимира Владимировича и приехал из Питера в Москву, чтобы встретиться с поэтом. Нашёл его в бильярдной. Потом они с Маяковским пошли к "тучглазым тёткам", как их охарактеризовал Чувковский, от которых Маяковский рассчитывал получить деньги на свои будущие издания. Но эти "тётки" предполагали услышать от поэта усаждающую лирику, а вместо этого получили волну обличения "пузатого" капитала, яркими представителями которого эти дамы и являлись. Они обиделись, Маяковский денег не получил. А вот Чувковский получил представление о Маяковском как о человеке, которому невозможно было покровительствовать уже тогда, когда тот был малоизвестным поэтом.

Думаю, что поэзия рождается здесь и сейчас. Когда есть бескомпромиссное отношение к тому, что происходит, к самому себе, абсолютное бесстрашие перед тем, что может произойти, безусловная вера в свою богоданную природу, если хотите. Считаю, что таковых творцов и сегодня очень много.

"ЗАВТРА". Но есть ещё и желание следовать модным течениям...

о. Андрей ДУДАРЕВ. Да, в твоё время может не быть моды на самоубийство. И Маяковский в 1911 году, когда поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, сетовал, что поощряют подражателей, а самобытных гонят.

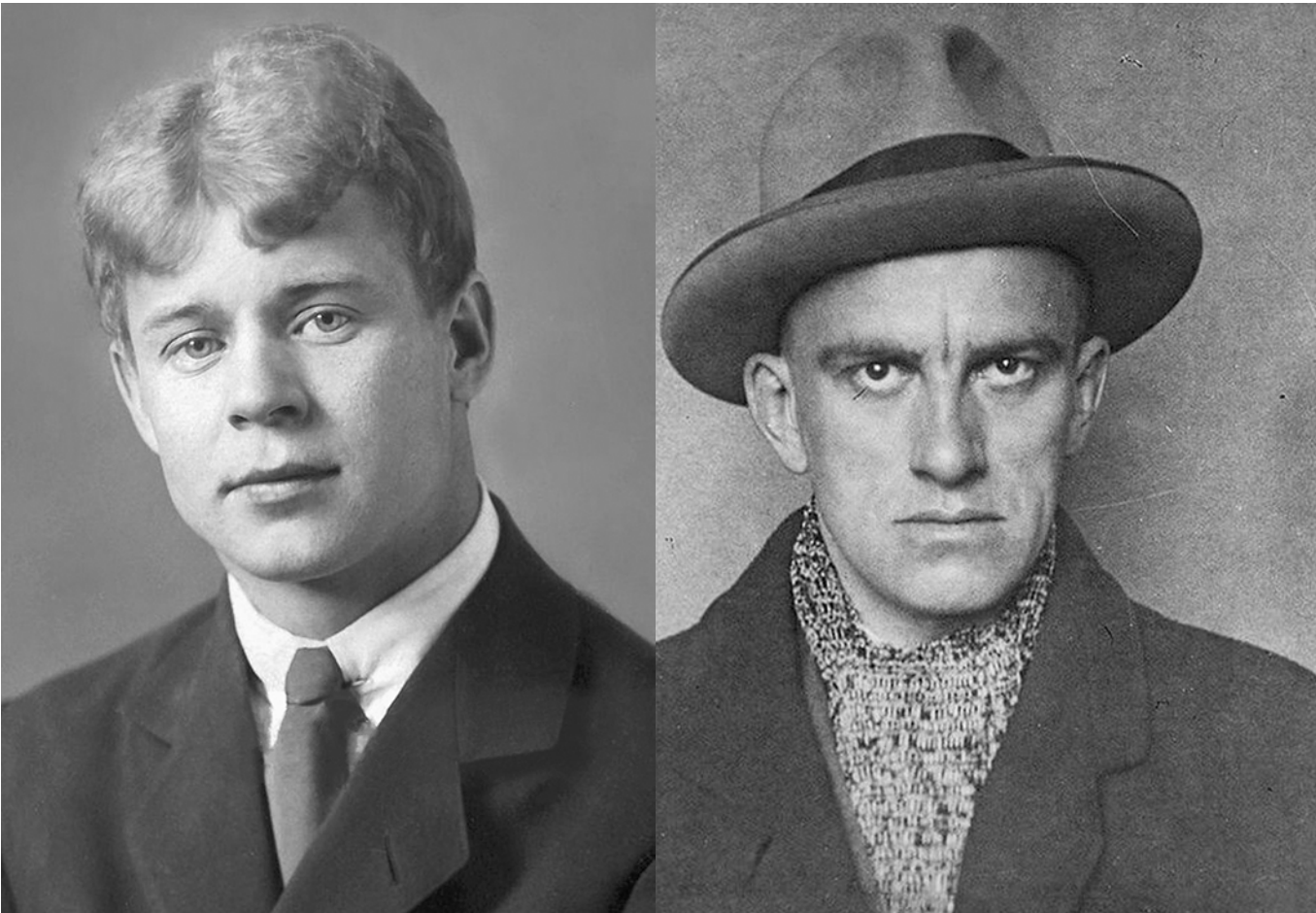
Быть самобытным сегодня, возможно, не так модно. И всё равно есть творцы, способные сказать что-то новое без страха. Их не видят, потому что люди стали мало общаться, а мобильный телефон или интернет не позволяют нам распознать поэта. Он познаётся только в энергичном общении. Книга тоже является таким мостиком. Но важнее больше общаться. Думаю, что и мы жаждём окружающих нас людей, и нас тоже захут, как продолжают зажигать Маяковский и Есенин.

"ЗАВТРА". Сергей Сергеевич, работая со студентами, вы видите горящую творчеством поэтическую молодёжь?

Сергей АРУТЮНОВ. Относительно студентов у умеренно оптимистичен. В Литинституте идёт процесс обкатки, которую далеко не все извне одобряют, считая, что из-за этого получается творец гладкий, как камень, без трещин и выступов. Но это неправомерное мнение. Если у человека нет среды, нет тех, кто каждую неделю его хотя бы выслушивают, то ему одиноко, может быть, даже больше, чем в своё время Маяковского. Хотя, конечно, время одинокого человека, чем он, представить сложно. Тем не менее вот эта нота, даже не одиночества, а просто нота, постоянно возобновляется в каждом поколении на Руси, звучит непрерывно. Иначе люди в Литинституте просто не шли бы. Зачем к нам поступать, когда есть более сытые профессии? Я не отношусь высокомерно к людям, получающим престижные, модные специальности, которые пригодятся в разных странах — в Португалии, в Мексике и так далее. Но профессия поэта, особенно русского, подразумевает, что он годится только здесь.

У нас как-то принято с придыханием относиться к эмиграции. Мол, если уехал поэт, писатель, значит, он чего-то стоит. Но разве не заслуживают большего уважения те, кто остался в своей стране? Творцы, ридовившиеся здесь для того, чтобы говорить и петь по-русски, достойны самого высокого статуса в сердцах людей. А ведь в XX веке это место в людских сердцах удалось отыскать и остаться в них вовсе не тем, кого много печатали и восхваляли, а простейшему, как многим кажется, Сергею Александровичу Есенину, чуть более мудрому в технологиях Владимирчу Владимировичу Маяковскому. Их цитируют, их любят.

Чего стоят те, кого наше государство много лет раскручивало, восхваляло, кому говорили, что они великие поэты, а они в результате просто плюнули на свою страну и уехали? Не только литераторы, но и эстрадные всякие — чего они вообще стоят?!

"ЗАВТРА". Сергей Сергеевич, работая со студентами, вы видите горящую творчеством поэтическую молодёжь?

Сергей АРУТЮНОВ. Относительно студентов у умеренно оптимистичен. В Литинституте идёт процесс обкатки, которую далеко не все извне одобряют, считая, что из-за этого получается творец гладкий, как камень, без трещин и выступов. Но это неправомерное мнение. Если у человека нет среды, нет тех, кто каждую неделю его хотя бы выслушивают, то ему одиноко, может быть, даже больше, чем в своё время Маяковского. Хотя, конечно, время одинокого человека, чем он, представить сложно. Тем не менее вот эта нота, даже не одиночества, а просто нота, постоянно возобновляется в каждом поколении на Руси, звучит непрерывно. Иначе люди в Литинституте просто не шли бы. Зачем к нам поступать, когда есть более сытые профессии? Я не отношусь высокомерно к людям, получающим престижные, модные специальности, которые пригодятся в разных странах — в Португалии, в Мексике и так далее. Но профессия поэта, особенно русского, подразумевает, что он годится только здесь.

У нас как-то принято с придыханием относиться к эмиграции. Мол, если уехал поэт, писатель, значит, он чего-то стоит. Но разве не заслуживают большего уважения те, кто остался в своей стране? Творцы, ридовившиеся здесь для того, чтобы говорить и петь по-русски, достойны самого высокого статуса в сердцах людей. А ведь в XX веке это место в людских сердцах удалось отыскать и остаться в них вовсе не тем, кого много печатали и восхваляли, а простейшему, как многим кажется, Сергею Александровичу Есенину, чуть более мудрому в технологиях Владимирчу Владимировичу Маяковскому. Их цитируют, их любят.

Чего стоят те, кого наше государство много лет раскручивало, восхваляло, кому говорили, что они великие поэты, а они в результате просто плюнули на свою страну и уехали? Не только литераторы, но и эстрадные всякие — чего они вообще стоят?!

"ЗАВТРА". Сергей Сергеевич, как вы считаете, недавно снятые фильмы о Есенине возвращают его в современность?

Сергей АРУТЮНОВ. Меня радует любое появление человека-поэта на экране. Если к нему обратились, значит, что-то в людях затронуто его творчеством. Образ поэта у каждого свой. И любая экранизация обычно вызывает вад протестов. Всегда найдётся тот, кто скажет: не имеете права, не трогайте ни поэтов, ни художников, ни актёров, ни военачальников. Всё было по-другому, этот не викинг, а варяг, тот — не варяг, а викинг. Не смеь трогать, ибо у нас на всё своё представление есть.

Русское сердце горячее, так просто к нему не подольстится. Ему нельзя просто кусочек масла кинуть и думать, что всё на мази. Нет! На три Голгофы нужно взойти, чтобы русскому сердцу угодить, и то через страдание, через Христову муку. Если без этого, тогда вы чего-то не понимаете.

Я считаю, раз появился фильм, скажите за это спасибо тем, кто обратился к теме. Всё, дальше разговор будет уже не наш, Бога будет разговор.

"ЗАВТРА". Отец Андрей, недавно я общался с членом координационного совета Международного поэтического движения Вадимом Фёдоровичем Терёхиным, и он мне сказал, что самый известный в мире поэт из России — это Маяковский. Вы знаете об этом?

о. Андрей ДУДАРЕВ. Знаю. Лет пять назад в Европе проходила акция, в ходе которой от каждой страны выбирали самого известного творческого человека (причём не только от литературы) и потом делали мороженое в виде головы этого деятеля. От России был приготовлен шербет "Маяков-

ский" — такая красная лысая голова Владимира Владимировича.

Мне знакомы также итоги социологического исследования, по которому самым известным стихотворением в России признано "Письмо матери" ("Ты жива ещё, моя старушка?"). Но при этом авторство опрашиваемые часто приписывают Пушкину. И получается, что Есенин — это самый неизвестный автор самого известного стихотворения.

Несколько слов хочу сказать по поводу "Письма матери" в связи с привычным обвинением Есенина в пьянстве. Он очень долго работал над строчкой "Не такой уж горький я пропойца...". сделал вариантов пять этой строки. Самым первым был такой: "Люди лгут, что будто я пропойца, я пьянею только от весны!". То есть Есенин, который жил для того, чтобы не нарушить правду жизни, и сочинял так же, как дышал, не мог эти строчки написать от нечего делать. Да, потом он их заменил. Может быть, даже по какому-то смирению.

Кстати, по рассказам родственников Сергея Александровича, он никогда не пил водку или спирт, потому что просто физические не переносил их. Пил только вино. Его сестра, Александра Александровна, вспоминала, что очень часто на праздничном столе стояла единственная бутылка вина на 5–6 человек, которая обычно оставалась недопитой. И у Есенина была особенность (об этом тоже говорят его родственники): он после второго неполного бокала вина становился абсолютно пьяным.

"ЗАВТРА". Сергей Александрович столько написал за свою короткую жизнь, что как-то не верится в его беспредное пьянство...

о. Андрей ДУДАРЕВ. Это очень важный момент. Есенин пьяным не писал. Или, например, как он мог читать стихи всю ночь до зари, будучи пьяным? Это невозможно, если ты находишься в кабаке для того, чтобы пить.

Светлана Петровна Есенина, познавкомив меня с целой стопкой неопубликованных рукописей Сергея Александровича, дала возможность увидеть интересные варианты. Например, строчку "Сердце бьётся всё чаще и чаще, и уж я говорю невпопад..." из цикла "Москва кабацкая" часто воспринимают как слова пьяного человека, у которого заплетается язык. Но у этой строчки есть первый вариант, написанный Есениным:

*Сердце бьётся всё чаще и чаще,
дайте ж руки, сестра и брат!
Я такой же, как вы, пропавший,
мне теперь не уйти назад.*

То есть это была фраза, брошенная в кабаке, когда люди пьют, а ты говоришь: "Дайте руки, сестра и брат!" Потом поэт её меняет на "и уж я говорю невпопад". Не могу не сказать о поэме "Микола", с которой Сергей Александрович начал свой первый поэтический сборник "Радунница". Классический для раннего Есенина сюжет: святитель Николай проходит к монахам по земле "и с землёй гуторит с Богом в белой туче-бороре". Ему Господь с престола говорит:

*О, Мой верный раб Микола,
Обойди ты русский край.
Защити там в чёрных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолчи с ним о победах
И за нищий их уют.*

И святитель Николай, у Есенина — Микола, идёт в трактир:

*Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
"Я пришёл к вам, братья, с миром —
Исцелить печаль забот..."*

Чем это не программа, которая потом реализуется и в "Москве кабацкой", и в кабацкой жизни Есенина, о которой так много разного говорят?

То же и в отношении женщин. Говорят, что, несмотря на огромное количество пассий, Есенин относился к ним с холодком. Но этот холодок был основан, с моей точки зрения, на духовности поэта.

Посмотрите цикл "Любовь хулигана", посвящённый Августе Леонидовне Миклашевской. Что ни стихотворение — всё какие-то могилы, кладбища, кресты... И сама Августа Леонидовна вспоминала, что Есенин читал ей этот цикл стихов не как обычно — громко, истоно, фанатически. Как воспомина-

ет Миклашевская, "читал тихо, вглядывался в моё лицо и постоянно чему-то удивлялся". Если внимательно читать "Любовь хулигана", мы поймём, что удивлялся Сергей Александрович тому, почему Августа Леонидовна не возмущается. Ведь вместо любовных признаний поэт пишет: "Золотей твоих кос по курганам молодая шумит лебеда..." То есть лебеда-то гораздо красивее твоих кос...

Или, например, первое стихотворение из цикла "Любовь хулигана" — "Заметался пожар голубой...". в рукописи имеет целую строфу, которую потом Есенин опустил.

*Я лишился покоя трезвого,
Перестал посещать кабаки.
Что-то жуткое в сердце врезалось
От пожатия твоей руки.*

Это о чём? О том, что он в кабаках имел трезвый покой, а от пожатия руки — что-то жуткое. Вот такая была духовность восприятия женщин. Как, кстати, и у Маяковского — почитайте поэму "Про это". Мужчина влюблён в женщину, но это отношение превращает его в медведя. В животное! А потом Маяковский описывает процесс так называемого размедведживания. Это буквально о духовной жизни. Это же православная аскестика. Тот процесс осуществляется посредством перехода от любви к женщине — к любви к человеку. Он начинает в женщине видеть человека, а не только объект прелестный в физическом плане. От любви к одному человеку он переходит к любви ко всему миру и даже ко всей вселенной. И последняя глава поэмы посвящена прощению воскресить его, Маяковского. Речь идёт о физическом бессмертии, о воскресении.

Вот такое отношение было у Есенина и Маяковского к женщинам и к спиртному. У этих людей на первом месте стояли иные темы:

*Но мечтать о другом, о новом,
Непомятом земле и траве,
Что не вырастит сердцу словом
И не знает назвать человек.*

"ЗАВТРА". То есть Маяковский и Есенин — это два христианских поэта?

о. Андрей ДУДАРЕВ. Абсолютно. Я бы ещё очень схематично сказал о том, что часто мешает воспринимать Есенина и Маяковского. Мирозрение православных христиан основано, во-первых, на обожении: Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом. Это цель духовной жизни каждого православного христианина. И второе: мы верим в физическое бессмертие. Духовное бессмертие — это ещё не христианство. Христианство начинается там, где мы начинаем относиться к смерти как ко сну. Успение, усопший, уснувший. И наша жизнь делится на два, а на три этапа: с рождения до смерти, со смерти до воскресения, а с воскресения только начинается вечная жизнь. Есенина часто обвиняют в некоем язычестве и идолопоклонстве, в том, что он обожествляет природу, эту землю, которую не хочет покидать. А разве православные христиане собираются её покидать? Наши кости спят в земле, и на этой земле мы проснёмся. И может быть, с этим связана такая любовь Есенина ко всему, что он видел на земле: "Слишком я любил на этом свете всё, что душу облекает в плоть". Душа и плоть неразрывно связаны.

Третье — это социальная позиция, которая должна быть активной у православных христиан. Писатель Михаил Михайлович Пришвин, недооценённый философ, живший пару лет в Пушкино в непосредственной близости от дачи Маяковского и писавший о нём интересные вещи, считал, что мученичество обязательно должно быть волевым, а не каким-то вынужденным. До-революционная церковь недооценивала в человеке активную социальную позицию. А социалисты недооценивали Голгофу, роль личности в этом служении, когда общество становится не целью, а средством. У них человек перестаёт быть краеугольным камнем процесса. А у Есенина и Маяковского на первом месте — человек и его развитие. И поэтому Пришвин пишет, что христиан нужно учить социализму, а социалистов — христианству.

Вот то, о чём я хотел сказать в отношении Есенина и Маяковского и их религиозной принадлежности.

"ЗАВТРА". Благодарю вас, отец Андрей и Сергей Сергеевич, за беседу!

Беседовал Дмитрий САГАЛ

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII. E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/> Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97. Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 17 200

Заказ № 6343-2023

Дата выхода в свет — 01.11.2023 г. Подписано в печать 31.10.2023 г. в 14.00, по графику — в 14.00

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Отвественный секретарь — Наталья КЕРИМОВА